

Л. И. Летягин

Екатеринбург, Россия

ИДЕОЛОГИЯ КАК ФОРМА КУЛЬТУРЫ: ВЕРСИЯ ФРЕЙДИЗМА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеология, культура, репрессия, религия.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается фрейдистское понимание идеологии как формы культуры, её основные функции как средства культурной «репрессии» и «освобождения», отличие идеологии от религии в осуществлении этого процесса.

L. I. Letyagin

Yekaterinburg, Russia

IDEOLOGY AS A FORM OF CULTURE: THE VERSION OF THE FREUDISM

KEY WORDS: ideology, culture, repression, religion.

ABSTRACT: The paper article brings into focus the Freudian version of understanding the ideology as a form of culture, analyzed its main functions as the means of «cultural repression» and «freedom», differences between the religion and ideology in realizing this process.

Идеология, как сфера (уровень) такой «тонкой материи», как духовная жизнь общества, воспроизводя в специфической форме общие закономерности её функционирования и развития, сама отличается сложной организацией, что делает идеологию не самым «благодарным» объектом анализа.

Эта сложность проявляется как в многообразии содержания идеологии, включающего в свою структуру ценности, убеждения, мнения, элементы веры, экономические, правовые, политические, эстетические, этические, педагогические и т. д. взгляды и представления, так и в не менее многообразных идеологических формах, в которых они существуют и развиваются – социально-политических, правовых, экономических доктринах и концепциях, произведениях литературы и искусства, религиозных трактатах, политических программах и т.д.

Существенно затрудняет анализ и тот широкий спектр противоречивых отношений, связывающих идеологию с другими уровнями и сферами, духовной жизни – обыденным и теоретическим сознанием, общественной психологией,

наукой, религией, моралью. Но, несмотря на значительное число опубликованных работ, как в «западном», так и «отечественном» сегментах социально-философских исследований, высказанных оригинальных положений, нельзя согласиться с мнением, что все проблемы, связанные с анализом идеологии, окончательно решены или, по крайней мере, близки к завершению.

То, что это не так, подтверждается существованием полярно противоположных концепций идеологии – «позитивно-нейтральной», закрепляющей за идеологией научный статус и рассматривающей её в качестве важнейшего фактора (условия) социальных преобразований и «негативной», в рамках которой она анализируется как «спекулятивное», «мистифицированное» отражение действительности.

Эта «дихотомия концепций» обуславливает «напряжение» всего проблемного поля, включая определение самого понятия «идеология», его генезиса и развития в истории социально-философской мысли, функций и роли идеологии в жизни общества (оппозиция интеграции – дезинтеграции со-

циального целого, научного познания – религиозной веры, главного или второстепенного фактора определяющего вектор общественной практической деятельности людей и т.д.), что, в свою очередь, является серьезным препятствием в становлении *научной теории идеологии*.

Тем не менее, если рассматривать современный уровень развития последней, и, в особенности те трансформации, которые претерпевает наука в процессе перехода от неклассической к постнеклассической своей стадии, то проблема идеологии начинает постепенно включаться в культурологический дискурс, являясь, в определенном смысле, с одной стороны продолжением известной линии Просвещения, с другой – реализацией тех инвектив, которые задаются собственно философией культуры.

При этом происходит постепенный переход от «негативного» понимания идеологии, связанного с её содержательными характеристиками к рассмотрению её функций в обществе, идентификации идеологии, как *формы культуры*.

Значительный вклад в разработку указанной проблематики, как нам представляется, внёс З. Фрейд.

Он действительно, в отличие от традиционной школы в психологии, которая также изучала бессознательное, но рассматривала его как нечто пассивное, «непостижимое», не оказывающее сколько-нибудь значительного воздействия на психический душевный мир человека, выдвинул и обосновал принцип активности бессознательных процессов. Бессознательное, по З. Фрейду, не мертво, не лишено динамичности, оно столь же активно, как и сознание.

Весьма образное описание такой активности бессознательного можно найти в известном эссе С. Цвейга, посвященном жизни и творчеству Фрейда. В сфере бессознательного «бродят яро-

стно желания давно заглохшего детства, которые мы считаем давно похороненными, и время от времени прорываются, жаждущие и алчущие в нашу жизнь; страх и ужас, давно забытые сознанием, вздымают свои вопли ввысь, по проводам наших нервов; страсти и вожделения не только нашего личного прошлого, но и истлевших поколений, страсти и вожделения наших варваров-предков сплетаются корнями там, в глубине нашего существа... Там, в глубине, неведомо от нас, живет изначальное наше «я», которое наше цивилизованное «я» не знает больше или не желает знать; но внезапно оно выпрямляется во весь рост и прорывает *тонкую оболочку культуры* (курсив наш – Л.Л.); и тогда его инстинкты, первобытные и неукротимые, грозно проникают в нашу кровь, ибо извечная воля бессознательного – воспрянуть к свету, претвориться в сознание и найти выход в действие: «поскольку я существую мне надлежит быть деятельным» [1. С. 20].

По З. Фрейду все источники неравенства, все истоки общественных противоречий следует искать в сфере бессознательного, которое также как и сознательное, активно участвует в мотивации поведения людей.

Исходной точкой фрейдистской концепции общества является индивид, все проявления его жизнедеятельности, включая, точнее – начиная, с бессознательного, как одного из оснований культуры, проецируются на общество. Оно есть «коллективный индивид» а его культура – всегда «мерное» единство (и противоречие) собственно культуры и бессознательного.

«Процесс культурного развития человечества, как и развитие индивида, – пишет он в работе «Болезнь цивилизации», – суть формы жизнедеятельности (и) поэтому должны характеризоваться наиболее общими особенностями проявлений жизни» и именно по этой причине они имеют, в конечном счете,

«весьма сходную природу, даже если они не являются идентичными процессами, относящимися лишь к разным объектам» [2. С. 231].

Соответственно, развитие общества есть процесс перехода и, одновременно, состояния, воспроизводящего логику развития индивида от стадии детства (ребенка) до зрелости и смерти: «в душе современного ребенка можно, по-видимому, обнаружить те же архаические факторы, которые были господствующими в начальную пору цивилизации. Ребенок в ходе своего психического развития повторяет в сокращенной форме эволюцию вида точно так же, как это давно установлено эмбриологией в отношении тела» [2. С. 41].

Каждый индивид (а значит и все люди, общество) рассматриваются З. Фрейдом с точки зрения влечений – как наделенные желанием существа, получившие определенную психическую структуру в раннем детстве, под влиянием семейных отношений. Отсюда следует, что все неврозы «взрослых» и «взрослого общества» – это глубоко запрятанные «детские страхи», а поведение личности есть не что иное, как реализация подспудных влечений к «свободе» от тирании семьи.

Но это свобода не может быть достигнута потому, что она есть свобода биологического, которое и ограничивается обществом, соответствующими механизмами культуры, обуздывающими эту свободу. Сознание человека и его поведение, как и сознание общества в целом оказывается полем битвы двух влечений – эроса и агрессивности и эта борьба вечна. Согласно этому взгляду, общество всегда находится в состоянии невроза, связанного с этой борьбой и должно, в той или иной степени, ограничивать свободу, создавая специфические социальные институты – государство, прежде всего, и определенные способы воздействия на сознание, ис-

пользуя многообразный « психический инвентарь культуры» [3. С. 359].

«Именно из-за тех опасностей, которыми угрожает нам природа (имеется в виду природа самого человека – Л.Л.), – пишет Фрейд в работе «Будущее иллюзии», – мы объединились друг с другом и создали цивилизацию, и она должна позволить нам, помимо всего прочего, вести совместную жизнь. Воистину первая задача цивилизации, ее главный смысл состоит в том, чтобы защищать нас от природы». [3. С. 360].

Таким образом, любая, даже примитивная «ранняя» форма социальной организации выполняет важную функцию – функцию подавления инстинктов, принятие взаимных обязательств и создании соответствующих институтов культуры, «объявляемых нерушимыми» и «священными» – религии, морали, государства.

Тем не менее «природное» нигде не исчезает, из чего следует что общество постоянно подвергается опасности разрушения, исчезновения и т.д. Враждебное противостояние культуре, как ограничению, как репрессии латентно. Культура может, в определенной степени, содействовать укрощению асоциальных «первичных» позывов, но само это укрощение принимает определенные контенты – исторические формы, одной из которых, вне всяких сомнений, является религия. Она оказала большие услуги культуре, но в силу того, что она не обладает достоинством истинности, то индивиду и обществу свойственно сомнение в том подчинении, которое ему навязывается. Если бы религия выполняла свою функцию, то не было бы никаких других форм культуры. Религия – это иллюзия, которая внедряется в сознание создавая некие «общие» ценности и идеалы, которые не могут быть ни подтверждены практически, ни достигнуты в «посюсторонней» жизни, это «детский невроз» и человечество, рано или поздно «преодолеет

эту невротическую фазу подобно тому, как дети перерастают свой подобный этому невроз» [З. С. 396].

Но преодоление этого невроза означает, что на смену религиозной иллюзии приходят различного рода учения, теории, которые, пользуясь авторитетом научного знания, его историческим этапом развития (состояния), сами, в той или иной мере, оказываются «светскими иллюзиями». Они для собственной защиты в качестве «практически-ориентированной иллюзии должны использовать все основные черты религии как формы культуры – святость, окостенелость, нетерпимость, запрет мышления.

Но это не значит, что «новая» «светская» иллюзия есть нечто бесполезное. Она необходима как одно из условий установления более или менее, хотя и иллюзорной, но социальной целостности, осуществляя подавление и сублимацию «природного», ограничения «принципа наслаждения» и *инстинктивной эмансипации, ведущей к нарциссизму*. В рамках этой репрессии в сознание индивида закладываются представления об «идеальном варианте» взаимных обязательств (общества и индивида), как сохранения «общего бла-

га». Императивность этих обязательств, опирающихся, с одной стороны на ценности и идеалы «общей пользы», с другой – на авторитет научного знания, переводит желания, стремления и т.д. индивида и общества в форму долженствования, становясь мировоззренческой установкой.

И хотя З. Фрейд не употребляет понятия «идеология», по сути дела, речь идет именно о ней – она предстает как один из эффективных средств культурной репрессии и «освобождения», то есть формой культуры.

Таким образом, попытка рассмотрения идеологии в культурологическом аспекте, как *формы существования и реализации культуры*, имеет, как нам кажется, право на существование.

По крайней мере, такой подход позволяет перейти от стереотипов «классового анализа», неизбежно ограничивающего содержание, функции идеологии, сводящего ее к «ложному сознанию», которое необходимо «преодолеть», «отбросить» и т.д., к становлению и развитию научной концепции идеологии, как сложного по форме, содержанию, функциям феномена общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кельнер М. С., Тарасов К. Е. «Фрейд-марксизм» о человеке. – М.: Мысль, 1989.
2. Фрейд З. Избранные работы. – М.: Терра, 1998.
3. Фрейд З. Тотем и табу. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.